

Плюрализм властей и атлантический кризис

(начало на стр. 1)

Рассмотрим на данный момент два вопроса. Первый – это крайняя поляризация противостояния между демократами и республиканцами, которая сделала практически невозможным достижение двухпартийного консенсуса и способствовала циклу политического насилия, начиная со штурма Капитолия 6 января 2021 года и заканчивая убийством в штате Юта 10 сентября Чарли Кирка, фактического лидера молодёжного движения MAGA.

В «Тетрадах» политических мемуаров Арриго Черветто мы находим поучительный отрывок о методе «политического убийства», который получил своё развитие именно в американском политическом цикле 1960-х годов: *«Стало известно, что убили Дж. Ф. Кеннеди. Это произошло 22 ноября 1963 года. В течение нескольких месяцев газеты писали об этом факте, который вернул в политические новости метод политического убийства, вышедший из моды несколько десятилетий назад, но процветавший на протяжении долгих исторических периодов. Политика нередко сводилась к убийству. Ещё чаще – к политическому убийству в широких масштабах. Когда я начинал политическую деятельность, фашисты убивали нас, а мы убивали их. Я стал марксистом в том числе и потому, что пытался найти науку для политической страсти, которая вдохновляла меня; я пытался выяснить, есть ли рациональность в эмоциональном поведении, которое толкает к действию. Материалистическое понимание истории и материалистическая концепция политики продемонстрировали мне, что политическое действие может быть изучено наукой. Политика, следовательно, может быть наукой. Нахождение этой истины в марксизме означало для меня то, что я становлюсь человеком, а не только политическим животным; это снабдило страсть мозгом. Политическое убийство может быть расчётом, но очень часто это исключительно страсть и простая политическая неспособность решать проблемы, которые ставит действительность. Это примитивное использование примитивного инструмента. Это всё равно что решать проблемы экономики при помощи бартера. Я всегда видел в сталинизме и сталинистском образе мышления примитивизм, который является отрицанием научной рациональности Маркса, Энгельса, Ленина.*

Я всегда считал, что широкое распространение этого способа мышления в целом было препятствием на пути освобождения пролетариата и, в частности мешало образованию партии, стоящей на службе науки о революции. В марксизме я обнаружил отрицание идеологии насилия – вместе с отрицанием всех идеологий. Это не отрицание, исходящее из моралистской идеологии, которая есть не что иное, как другая сторона идеологии насилия, – поскольку они обе являются выражением общего для них субъективизма. Это научное отрицание предрассудка. Благодаря этому марксизм оказывается в состоянии рационально использовать насилие, которое классовое общество высвобождает так же, как море высвобождает штормы». Иными словами, марксизм получает возможность преобразовывать войну в революцию. И ещё: «Убийство Дж. Ф. Кеннеди произвело на меня впечатление. [...] Я растерянно чувствовал, что новый фактор вступает в игру, фактор, который считал устаревшим из-за его примитивности. С тех пор политическое убийство стало частью новостей и укоренилось в них. Это вызвало весьма широкий спектр побочных последствий.

Меня же это подтолкнуло к предельной строгости, чтобы этот примитивный феномен не мешал работе, которая, как я знал, займёт значительное количество лет».

Черветто писал это на рубеже 1981–1982 годов; как видно, его наблюдения ни в коей мере не ограничиваются одним утверждением, что метод политического убийства является чертой американского политического цикла. Мелкобуржуазный интеллектуальный терроризм в те первые годы 80-х ещё не пошёл на убыль; через Средиземное море уже проникали «отравленные семена» средневосточного терроризма. Размышления Черветто остаются чрезвычайно актуальными, являясь практическим воплощением марксистской теории насилия, которая вновь становится незаменимой с углублением кризиса порядка.

Впрочем, если Европа имеет собственный след в практике политических убийств – будь то политический терроризм 70-х годов или этнический терроризм в Северной Ирландии и Стране Басков, – то в проявлении вооружённого насилия существует и американская

специфика. С одной стороны, оно было выражением циклов политических потрясений, как в 1960-е годы, в том числе в ответ на политику расовой интеграции, но с другой стороны, оно усиливается повсеместным распространением огнестрельного оружия и конституционной защитой вооружённых граждан. В отличие от Европы, отмечает *Financial Times*, государственная монополия на насилие в Новом Свете никогда не существовала или была весьма несовершенной, что является наследием Дикого Запада и индейских войн, частных ополчений, контролировавших рабов, и ограничений по отношению к федеральным властям.

Напряжённость, вызванная *атлантическим упадком* и *кризисом порядка*, нашла своё выражение в избрании Дональда Трампа, и, возможно, это положит начало новому циклу потрясений. Верно и то, что *электоральные восстания* являются общей чертой всех старых держав, где страхи и обиды собирают вокруг себя более или менее эфемерные популистские и ксенофобские движения. Если это и является одной из черт *нового политического цикла*, то пока что его острые проявления в США всё ещё можно объяснить внутренними особенностями американской политической культуры и её *лихорадкой*, а не новой нормой, которая распространяется на весь Запад.

С продвижением *кризиса порядка* это станет ясно. Неоспоримы поверхностные аналогии с политическими бурями 1930-х годов, но, заходя слишком далеко в сравнении, мы упускаем из виду одно существенное различие. В то время к “ученикам чародеев” капитала, пытавшимся мобилизовать силы против рабочего движения, присоединились обезумевшая общественность, интеллектуалы с антидемократическим пессимизмом и *реакционной модернизацией*, смертельные авантюры социал-национальных демагогов: все они испытывали последствия мировой войны или Великой депрессии 1929 года. Сегодня, конечно, кризис 2008 года разрушил на Западе уверенность в либеральной глобализации, но мы всё ещё находимся в состоянии страхов и тревог, связанных с массовым распространением собственности. Эта собственность, выраженная в тысячах миллиардов, теперь в порядке наследования начинает переходить от бэби-бумеров к новым поколениям. Второй вопрос касается того, как президентство Трампа влияет на баланс и разделение властей, требуя контроля над *независимыми агентствами* на основании доктрин *единой исполнительной власти* и, прежде всего, подвергая осаде независимость ФРС.

Трампа обвиняют в том, что он хочет увести США в сторону *нелиберальной демократии*, то есть к плебисцитарному режиму, в котором будет скомпрометирована система сдержек и противовесов между властями, задуманная либеральной доктриной. На самом деле, уже более века вопрос о *независимых агентствах* затрагивает в Штатах отношения между президентом, Конгрессом и Верховным судом, а также между этими тремя ветвями власти и штатами Федерации, и является предметом напряжённости и борьбы на протяжении по крайней мере пяти политических сезонов.

Начинается всё с *прогрессивистской эпохи* 1890–1920 годов, с создания в 1887 году Межгосударственной комиссии по торговле и антимонопольным мерам против *баронов-разбойников*. Затем наступили годы Нового курса, фактического основания федеральной централизации Соединённых Штатов. Здесь увеличение числа агентств также имело целью преодолеть сопротивление штатов, но при реорганизации администрации Франклин Д. Рузвельт и его советники поддержали главенство президентской власти – в терминах, мало отличающихся от современных теорий *единой исполнительной власти*. В связи с централизацией, предпринятой в рамках Нового курса, противостояние между Рузвельтом и Верховным судом переживало моменты острейшей конфронтации.

Третий этап, максимальное расширение *независимых агентств*, пришёлся на период планирования “Великого общества”¹ при президенте Линдоне Б. Джонсоне, то есть на период федеральных программ по расширению социального обеспечения и расовой интеграции. Контрдвижение, четвёртый этап, началось с президентства Рональда Рейгана и *цикла империалистического либеризма*. В этом контексте линии, поддерживавшие примат исполнительной власти, были отмечены *дерегулированием* и оппозицией *big state*, этатизму *рузвельтской коалиции*, совпадая с нетерпимостью штатов к федеральным ограничениям, особенно на Юге и Западе. Идея укрепления роли Белого дома для осуществления дерегулирования и децентрализации придаёт практическое содержание пропагандистскому парадоксу, раздутому Рейганом: якобы он был избран в Вашингтон, чтобы бороться там с

кликами федерального государственного этатизма. Наконец, дополнение к республиканской линии *единой исполнительной власти* появилось после терактов 11 сентября 2001 года на Башни-близнецы, став юридической оболочкой для мер *чрезвычайного положения*, принятых администрацией Джорджа Буша – младшего.

Таким образом, напряжённость в отношении укрепления исполнительной власти и разделения и равновесия властей является долгосрочной чертой американского политического цикла, который в зависимости от сезона мог принимать как либеральные черты *дерегулирования*, так и государственноческие черты федерального централизма. Неуклюжие действия администрации Трампа оставляют открытым вопрос о том, каким образом могут быть использованы доктрины *единой исполнительной власти*, хотя уже было установлено, что одних только категорий *либеризма* и *дирижизма*, взятых по-отдельности, недостаточно, чтобы объяснить новый политический курс. С одной стороны, обещают дерегулирование для групп *high tech* или *инновационных финансов*, с другой – размахивают дубиной протекционистской политики или практикуют государственное вмешательство в *промышленную политику*.

Связанным, но отдельным вопросом является осада ФРС. Одно из направлений юридической мысли считает, что *независимые агентства* следует рассматривать как «четвёртую власть» наряду с классическим разделением на *исполнительную, законодательную и судебную* власти. В нашей марксистской разработке по *империалистической демократии* был сделан вывод, что это верно для центральных банков как *монетарной власти*: их статус независимости в различных *формах* и *градациях* стал общим атрибутом держав и даже требованием для их взаимных отношений.

Мы с большим вниманием следим за борьбой вокруг ФРС. В других стратегических условиях конфликта само собой разумеется, что *монетарные власти* противоборствующих держав были и будут задействованы в священном союзе империалистической войны для поддержки военных усилий. С одной стороны, ситуацию усложняет тот факт, что *мирный долг*, не только в США, принял масштабы *военного долга*, и что в *американском кризисе долгового кризиса* мог бы обернуться катастрофой, сравнимой с поражением в войне. С другой стороны, решение долгового вопроса в США потребовало бы двухпартийного консенсуса, которого нет и в помине; напротив, действия администрации Трампа, вызывающие раскол и идущие до открытых провокаций, прямо противоположны логике *священного союза* в критический момент.

Понятно, что этот вопрос затрагивает вопрос о времени *кризиса порядка*. Углубление противостояния повсюду поставило бы под вопрос независимость *монетарных властей*, и тогда американский поворот стал бы предвестником будущего противостояния между империализмами. На данный момент это не так, и контекст осады ФРС не находит аналогичного отклика в других державах. Точно так же в *войне тарифов* Япония и ЕС решили не ускорять конфронтацию и, скорее, ищут между собой и с другими странами – МЕРКОСУР, Мексикой, Индонезией, Индией – соглашения о свободной торговле, чтобы обойти Вашингтон.

Это лишь временно, поскольку вопросы американского долга по своей природе являются глобальными, а американский и атлантический *относительный упадок* является одним из двигателей *кризиса порядка*.

Сентябрь 2025 г.

¹ - Набор внутренних программ, предлагавшихся или принятых в США в целях построения общества, в котором не будет бедности.